

«ЕВПАТОРОВ ЗАКОН О НАСЛЕДОВАНИИ» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА

В 1965 г. Т. В. Блаватская опубликовала найденные в Горгиппии (совр. г. Анапа) два рескрипта боспорского царя Аспурга от 16 г. н.э., направленных этому городу¹. В первом из них (письмо А) говорится о том, что во время поездки царя в Рим к императору для получения царского титула Горгиппия оставалась на стороне Аспурга, в то время как другие боспорские полисы, судя по контексту письма, перешли на сторону его политических противников. В благодарность за это Аспург определил «сообразно данным распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них (горгиппийцев.— С. С.) неизменяемыми согласно наследственному закону Евпатора» (κατὰ τὰς ὑπ' ἐμοῦ δεδομένας ἐντολάς δοκιμάζω [εἰς] τὸ λοιπὸν τὰς κ[λ]ηρονομία[ς] μένειν αὐτοῖς βεβαίως κατὰ τὸν Εὐπάτορος ἀνχι[στ]ευτικὸν νόμον). Во втором рескрипте

¹ Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197—200.

(письмо В), вырезанном на той же плите, упоминается об освобождении граждан Горгииици от уплаты подати в царскую казну с вина, пшеницы, ячменя и проса. Последний документ внешне как будто не связан с предыдущим, однако ниже мы постараемся показать, что внутренняя генетическая связь между ними все же существует.

Издатель надписей не раскрыла сути и значения закона Евпатора о наследовании, ограничившись лишь указанием, что речь в нем должна идти о наследовании по праву близкого родства, как это было установлено Митридатом VI Евпатором, унифицировавшим городское право (т. е. жители Горгииици получили при Митридате VI законы о наследовании, подобные законам, введенным им в греческих полисах Понтийского царства, расширившим круг родичей-наследников²). Насколько мне известно, никто более не пытался раскрыть смысл и содержание означенного закона³, хотя правильное о нем представление имело бы огромное значение для понимания политики понтийского царя в подвластных ему полисах Малой Азии и Причерноморья. Как нам представляется, сравнительный материал из сопредельных Понту стран, таких, как греко-римский Египет, селевкидская Месопотамия, Балканская Греция, позволяет обратиться к более серьезному анализу «Евпаторова закона о наследовании»: дать развернутую характеристику этого закона, показав его значение для свободных эллинских полисов, попавших под власть понтийского царя, и политики самого Митридата Евпатора, что и станет целью настоящей статьи. Хотя в ряде работ мы пытались раскрыть смысл «Евпаторова закона» применительно к особенностям полисной земельной собственности⁴, специального исследования данного явления эллинистической юрисдикции сделано до сих пор не было.

Прежде чем говорить о характере и значении «закона Евпатора о наследовании», следует остановиться на том, что, казалось бы, не должно вызывать сомнений: к какому царю относится означенный закон (?!). По названию автором закона следует считать Митридата VI Евпатора, но ни в одной надписи мы не найдем упоминания царя только по его прозвищу. Данное обстоятельство породило сомнения в признании Митридата VI инициатором закона о наследовании⁵. Между тем установлено, что на одной тетрадрахме Митридата VI, чеканенной в Понте, помещена легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ ΕΣ = 205 г. п.э. (93/2 г. до н.э.). Такую же надпись мы находим и на золотом статере царя, выпущенном после 88 г. до н.э.⁶ Поскольку на других монетах имя царя писалось полностью, следует полагать, что и в официальных документах этого властителя могли называть как по имени и прозвищу, так и по прозвищу без имени. Следовательно, закон о наследовании, о котором говорится в одном из горгийских рескриптов, действительно отно-

² Она же. Аспург и Боспор // СА. 1965. № 3. С. 30, 31.

³ Кратко его значения я коснулся в одной из своих статей — Сапрыкин С. Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 68 сл.

⁴ Там же. С. 68—70; Сапрыкин С. Ю. Царское и полисное землевладение в Понтийском царстве Митридатидов // Acta centri historiae «Terra Antiqua Balcanica I». Sofia—Trinovi, 1986. P. 113—120; он же. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // Die Antike und Europa. Zentrum und Peripherie in der antiken Welt. Resümeees. В., 1986. S. 182 f.

⁵ Это сомнение высказал в устной беседе П. О. Карышковский, который считал, что закон был принят при некоем Евпаторе — царе, ближе неизвестном и жившем на рубеже н. э.

⁶ Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. V. I. Fasc. 1. P., 1925. Ed. 2. P. 13. № 10, 11; SNG Deutschlands. Sammlung v. Aulock. В., 1957. Ht 1. Taf. 1. № 5, 6.

сится к царю Митридату VI Евпатору, прадеду Аспурга, автора рескриптов.

Для правильного представления о характере «наследственного закона Евпатора» необходимо, на наш взгляд, привлечь материалы из тех областей античного мира, где имеются аналогичные или близкие свидетельства о наследовании имущества, главным образом земельных участков, как по завещанию, так и без такового. Это прежде всего греко-римский Египет, откуда происходят папирусные документы с установлениями прав наследования на землях клерухов и полисов, затем селевкидская Месопотамия, где в 1922 г. был обнаружен папирус с текстом наследственного закона г. Дура-Европос, и, наконец, Балканская Греция, прежде всего Афины и Гортина, законы которых о наследовании *ab intestato* сохранились до наших дней благодаря надписям и показаниям античных авторов.

Наиболее ярко принцип наследования земельных участков-клеров проявился в птолемеевском Египте на так называемой *γη κληρουχική*. Военный поселенец-клерух владел царской землей на правах держания, обязуясь нести военные повинности в пользу царя. Первоначально царь как верховный собственник земли самолично следил за ее распределением, поэтому какое-либо отчуждение участка запрещалось законом. В одном из папирусных документов (Pap. Rev. Laws 36. 12—14 — 259 г. до н.э.) говорится о виноградниках и садах, взятых клерухами во владение от царя. При этом царская администрация не признавала по крайней мере в середине III в. до н.э. частнособственнических прав клерухов на полученные ими во владение земельные участки. Об этом же наглядно свидетельствуют другие папирусы, например, P. Hibeh. 81.5 — 238 г. до н.э.; P. Petrie. II. 36; P. Lille. 14: в случае смерти или отказа от военной службы или неуплаты экфория (налога) земля клеруха переходила обратно к царю как верховному собственнику земли⁷.

Однако положение стало меняться к концу III в. до н.э. С этого времени и до конца эллинистической эпохи имущество клеруха могло быть передано по наследству по прямой линии к сыновьям⁸. В петиции катэков и постановлениях на этот счет царя Птолемея VIII Еввергета II Фискона указывается, что клеры, полученные клерухами, остаются за ними и их потомками по мужской линии в неоспоримом владении (P. Tebt. 124 — ок. 118 г. до н.э.). Таким образом, клер с ведома царской власти мог переходить от отца к сыну, который считался законным наследником⁹.

Примерно такая же картина предстает перед нами и в прошении катэков Птолемею VIII Еввергету II и Клеопатре. Там говорится, что они, получив землю, вскоре лишились ее и получили взамен участки худшего качества. В документе содержится просьба царю разрешить катэкам оставить за собой их прежние участки с таким расчетом, чтобы и дети могли бы их наследовать (P. Meyer. 1 — 144 г. до н.э.). Это показывает, как

⁷ О преобладании царской земельной собственности в птолемеевском Египте см. Rostowzew M. I. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. В. — Lpz, 1910. S. 5—6; *idem*. A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C. Madison, 1922. P. 10; ср. также Cohen G. The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization. Wiesbaden, 1978. P. 64 f.

⁸ Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте во II—I вв. до н.э. М., 1970. С. 206; Préaux Cl. L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. P. 468—471.

⁹ Со II в. до н.э. клерухи-владельцы садовой земли получают право завещать участки. См. Струве В. В. Право владения землями пахотной и виноградной в птолемеевском Египте // ЖМНП. 1915. 1. С. 58.

постепенно ослаблялась юрисдикция царской канцелярии на некоторые категории земель. Соответственно за катэками закреплялись их частнособственнические права. Устанавливая наследственность держания, царская власть в некотором роде ограничивала собственные права на эту землю¹⁰.

С развитием института наследования за клерухами закреплялось право передавать имущество детям и без завещания (Pap. Grent. I. 17.5; Lond. 400.1.8), при этом наследовать можно было также и от матери. Основными наследниками во всех случаях были сыновья умершего (P. Lille. 4), однако, согласно юридическим нормам греко-римского Египта, из всех детей-наследников только старший сын мог быть главным преемником, ибо он получал двойную долю наследства. Все остальное переходило младшим сыновьям и дочерям умершего. При отсутствии у умерших детей и внуков в наследование вступали их жены. Царская власть оставляла за собой право наследовать или присваивать имущество умерших, но только в том случае, если все означенные категории родственников отсутствовали¹¹. Правда, есть свидетельства, что царь мог отказаться от наделов военных колонистов, которые умерли без завещания (BGU IV.1185 = C. Ord. Pt. 71 — ок. 60 г. до н.э.), но это скорее подтверждает верховную собственность царя на землю, нежели предоставление клерухам прав полной частной собственности на участки. Вот почему К. Прео справедливо отмечала, что передача земли по наследству *ab intestato* создала лишь трещину в общем каноне прав собственности царя на землю в эллинистическом Египте¹².

Круг родственников, которые могли претендовать на имущество кагойка или клеруха после его смерти, очерчивается в Египте только приблизительно. В BGU IV. 1185 (I в. до н.э.) говорится: «Если же кто-либо из них умрет, не сделав распоряжения о завещании, пусть их клеры перейдут к ближайшим потомкам так, как и у Арсиноитов». Очевидно, речь здесь идет о ближайших потомках, т. е. детях по отцовской линии. В папирусе Ept. 19₂ (218 г. до н.э.) упоминается опекун, который мог претендовать по закону на наследство опекаемого им человека, очевидно, потому, что у того не было прямых наследников. Это подтверждает и Pap. Tebt. III. 743 (II в. до н.э.): дети Харпаэсиса подали жалобу на некоего Петесуха, который завладел поместьем их отца, очевидно, как опекун и в обход закона, по которому при наличии прямых наследников те должны были вступить в наследство. Отсюда следует, что в эллинистическую эпоху основным наследником считался старший сын, затем, вероятно, другие дети и внуки. Как полагает Р. Таубеншлаг, в наследство могли вступать родственники, включая брата умершего и его детей, которые имели преимущество перед сестрой умершего и ее детьми¹³.

Что касается полисного права, то в Александрии, например, дочери

¹⁰ Preaux. Op. cit. P. 471 suiv.; Зельин. Ук. соч. С. 207. О собственности клерухов на землю см.: Lesquier J. Les institutions militaires de l'Egypte sous les Lagides. P., 1911.

¹¹ Это право имелось у царя, потому что за клер, полученный в качестве компенсации за военную службу, взимался налог — экфорий и царь был заинтересован в новых держателях (см. Preaux. Op. cit. P. 470; Uebel F. Die Kleruchen Ägyptens unter der ersten sechs Ptolemäern. В., 1968).

¹² Preaux. Op. cit. P. 470—472; Зельин. Ук. соч. С. 207 сл. II. Бриан вообще считает, что организация клерухий Лагидами способствовала более прочному господству царской власти над различными районами страны (Briant P. Rois, tributs et paysans. P., 1982. P. 75).

¹³ Taubenschlag R. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri. Warszawa, 1955. P. 182—186.

александрийских патронов исключались из наследования имущества отцовских вольноотпущенников. В Александрии разрешалось принимать наследство от бабушки, а дети, рожденные от брака с ἀστὴ или ксеном, не имели права наследовать матери¹⁴. Во всех случаях, когда родственники, которые имели права на наследство, отсутствовали, имущество всегда переходило к фиску¹⁵.

Таким образом, египетские законы о наследовании, хотя и весьма далекие от бытовавших в Понте при Митридатидях, предусматривали, учитывая значительную роль царской земельной собственности, контроль со стороны царя за наследованием недвижимости. При этом разрешение передавать клер по наследству способствовало росту частной собственности и увеличивало долю частного землевладения в системе земельных отношений.

Для понимания митридатовского закона о наследовании значительно больше, чем египетские папирусы, дает документ из Дура-Европос (P. Dura. 5), в котором сохранился текст регулирования прав наследования ab intestato. Он относится, как и интересующий нас «Евпаторов закон», к полисному праву, и в нем подробнее, чем в папирусах из греко-римского Египта, оговорен круг родственников, которые имели право претендовать на наследство в случае смерти наследователя. Несмотря на то, что папирус с текстом закона датируется III в. н. э., сам закон восходит к первоначальной конституции Дура-Европос, которая была выработана еще в первой половине III в. до н. э. при Селевке I Никаторе¹⁶. Поэтому им можно пользоваться для характеристики полисного права эллинистической эпохи. Закон гласит: «Имущество умерших отдается ближайшим родичам. Эти родичи следующие: если покойный не оставил детей или не усыновил кого-либо в соответствии с законами, то ему наследуют отец или мать, не живущая в супружестве с другим мужчиной; если же нет никого (из перечисленных родственников), то наследуют отец или мать отца или кузен по отцовской линии. Если же не окажется и этих родственников, то имущество передается в царскую казну. В соответствии с этим пусть устанавливаются права наследования»¹⁷.

Уже первый издатель документа Б. Оссулье отмечал близость этого закона к законодательствам о наследовании классических греческих полисов¹⁸. Означенный законодательный акт предусматривает наследование имущества, прежде всего недвижимого, в случае, если умерший гражданин не оставил завещания о наследстве. Первоочередными наследниками являются дети — старший сын покойного, затем, вероятно, младшие дети. При отсутствии детей в наследство должны были вступить отец или мать умершего. В случае их смерти до того, как умер сам владелец имущества, наследниками становились его дед или бабка по отцовской линии, либо двоюродный брат по линии отца. Таким образом, закон предписывает строгое наследование в первую очередь по мужской линии (отца или стар-

¹⁴ Ibid. P. 186. О египетском праве вообще см. *Revillout E. Précis du droit égyptien. V. I—II. P. 1903.*

¹⁵ Об этом *Taubenschlag. Op. cit. P. 188.*

¹⁶ *Rostoutzeff M. I. The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates // Annales de l'Institut Kondakov. 1938. V. 10; Cohen. Op. cit. P. 66—68; Кошленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 228—230.*

¹⁷ P. Dura. 5 = *Cumont F. Fouilles de Dura-Europos. P., 1926. P. 309—314.*

¹⁸ *Haussoullier B. Une loi grecque inédite sur les successions ab intestat // Revue historique de droit français et étranger. 1923. V. 47. P. 529. Ср. также Cumont. Op. cit. P. 309; Кошленко. Ук. соч. С. 229.*

шего сына)¹⁹, что и сближает его с наследственными актами классических Афин (см. ниже).

Однако по сравнению с законами свободных греческих полисов в папирусе из Дура-Европос есть одно очень важное отличие: в нем говорится, что в случае отсутствия означенных категорий родственников имущество должно быть передано в царскую казну (*βασιλική ἡ οὐσία ἔστω*). Этот пункт закона напоминает юридические нормы наследования имущества (клера) военными поселенцами в птолемеевском Египте, когда царь как верховный собственник земли имел право на возвращение себе переданного клеруху участка при отсутствии наследников у умершего. Упомянутая в законе оговорка показывает, что, хотя граждане Дура-Европос и имели в коллективном владении прилегающую к городу сельскохозяйственную территорию²⁰, личная собственность граждан на земельные участки была в конечном итоге опосредована верховной собственностью царя на землю²¹. Это, естественно, должно было несколько ограничивать полисную самостоятельность, поскольку над полисными коллективом стояла власть царской администрации²². Эллинистические законы о наследовании в полисах принижали контроль полисных коллективов за земельной собственностью отдельных его членов, ибо верховным собственником земли в государстве во всех случаях оставался царь.

Последнее особенно отчетливо заметно на примере двух эпиграфических документов из Македонии. Согласно первому — декрету, изданному царем Кассандром, некий Пердикка, сын Койна, получил землю (*τὸν ἀγρόν*) в Синае и близ Трапезунта. Эти земли ранее имел его дед (*ἐκλήρουχῆσεν Πολεμοκράτης ὁ πάππος αὐτοῦ*), впоследствии один из участков находился у его отца при Филиппе, одном из царей Македонии IV в. до н. э., может быть Филиппе II, отце Александра Македонского. Поскольку уже Филипп дал эту землю его семье в наследственное пользование (*ἐμ πατρικοῖς*), то и Кассандр, согласно декрету, предоставляет такое же право. Далее декрет подтверждает, что купленная Пердиккой у Птолемея земля в Спартоле также закрепляется за ним и его потомками в наследственном владении с правом обменивать и передавать в аренду, поскольку ранее царь Александр предоставил это право отцу Птолемея Птолемею, первому владельцу участка²³.

С этим декретом соотносится декрет 285 г. до н. э. из Кассандрии, в котором идет речь о передаче царем Лисимахом в наследственное владение некоему Лимнею, сыну Гарпала, земельных участков (*τοὺς ἀγρούς*)

¹⁹ *Taubenschlag R. Papyri and Parchments from the Eastern Provinces of the Roman Empire outside Egypt // The Journal of Juristic Papyrology. 1949. V. III. P. 56.*

²⁰ *Rostovtzeff M. I. Dura-Europos and It's Art. Oxf., 1938. P. 15; Kreissig H. Wirtschaft und Gesellschaft in Seleukidenreich. B., 1978. S. 50.*

²¹ *Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 96 f.* Ж. Крайссиг (Op. cit. S. 47) видит доказательство принадлежности земель клерухов к царской земле в том, что в случае отсутствия старшего сына, могущего стать наследником, земля клеруха переходила к царю. Этот вывод был сделан на основании предположения, что Дура-Европос была основана как военная колония, которая развилась затем в полис, но данное заключение справедливо и для полисного землевладения, поскольку закон о наследовании из Дура-Европос действовал и в то время, когда этот центр уже выступал как эллинистический полис.

²² *Кошменко. Ук. соч. С. 231 сл.* Зависимость полисов от царской администрации проявлялась в назначении эпислатов или эпимелетов, следивших за исполнением царских указов гражданами полисов (см. *Bickermann E. Notes et discussions: la cité grecque dans les monarchies hellénistiques // Revue de philologie. 1939. Ser. III. V. 65.*)

²³ *Syll.³ 332; Dareste R., Haussoullier B., Reinach R. Recueil des inscriptions juridiques grecques. V. II. P., 1898. P. 136, 137; Hatzopoulos M. B. Une donation du roi Lysimaque // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ. 1988. V. 5. P. 23, 24.*

на территории Сермилий, Олинфа близ Трапезунта и Стрепсий. В декрете оговорено, что получатель земли и его потомки имеют полное право собственности на участки, что выражается в возможности продавать, обменивать и передавать их тем, кому они сочтут нужным²⁴. Обе надписи свидетельствуют о том, что земля первоначально давалась царями в пользование на условиях несения военной службы, как в случае с дедом Пердикки. Затем статус индивидуальной собственности укрепился, и земля уже могла быть передана по наследству сыну или другим лицам по усмотрению владельца. При этом каждый из последующих царей подтверждал наследственные права владельца в том виде, в каком они были закреплены за ним в первый раз. При Лисимахе же полная собственность на недвижимость на условиях патримониального родства закрепилась окончательно²⁵. Ранее царь, видимо, мог своей властью отобрать назад участок, переданный за военную службу человеку, даже имевшему законных наследников, однако впоследствии было разрешено передавать участки по наследству, что закрепило частновладельческие права. Однако тот факт, что царь каждый раз выносил вердикт на приобретение земельных участков в том или ином месте, даже на территории греческих городов, а также подтверждал наследственные права на них, показывает, что он оставался верховным собственником земли в государстве. А это открывало возможность отменить данное им право передавать участки по наследству на условиях патримониального родства и вернуть их обратно царскому фиску²⁶. Отсюда следует, что за царем всегда оставалось право вводить или отменять законы о наследовании недвижимости.

Таким образом, эллинистические правовые нормы наследования до некоторой степени ограничивали экономическую и политическую самостоятельность полисов, военных поселенцев и индивидуальных земельных собственников как подчинявшихся царской власти в соответствии с теми условиями, которые сложились в эллинистических монархиях. Причиной подобного положения являлся объект дарения — клер, который изначально предоставлялся на условиях несения военной службы²⁷.

В этом отношении наследственные законы в свободных эллинских полисах показывают большую самостоятельность гражданских общин в выборе юридических и политических установлений. Наиболее показательно наследственное право Афин, где преимущество имели наследники по мужской линии: первым поколением преемников являлись родственники со стороны отца, затем деда, а только потом матери. Для греческого права характерно преимущество старшего сына перед остальными детьми (Dem. XXXVI.34; XXXIX.29). Права на наследство могли предъявлять родственники до четвертого поколения кровных родных (Is. VIII.34), но границей *ἀγγιστεία* обычно выступали дети старших двоюродных братьев и сестер. Если у покойного отсутствовали прямые наследники, то в наследство могли вступать его братья от того же отца и их потомки, либо сестры и их потомки (Dem. XLIII.51; XLIV.12; Is. VII.20; XI.17; V.27). Любопытно, что в случае отсутствия означенных категорий род-

²⁴ Hatzopoulos. Op. cit. P. 17, 18.

²⁵ Согласно мнению Ж. и Л. Роберов, выражения *εἰς τὸ πατρικὸν* и *εἰς πατρικὰ*, а также близкое им *ἐκ πατρικοῦ* в декретах из Македонии свидетельствуют о том, что земля находилась в личной собственности (см. Robert J. et L. // Bull. ép. 1967. P. 651; Hatzopoulos. Op. cit. P. 33—35).

²⁶ На это указал уже М. И. Ростовцев (Studien... S. 252).

²⁷ Welles C. B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. A Study in Greek Epigraphy. New Haven, 1934. P. 208; Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. V. II. P., 1949. P. 682—685; Bar-Kochva B. The Seleucid Army. Cambr., 1976. P. 33.

ственников полисные власти сами должны были следить за имуществом, которое осталось без наследника (Dem. XLIII.57, 75). Таким образом, полис мог распоряжаться имуществом граждан, если они умирали *ab intestato* и у них отсутствовали родственники, которые могли входить в круг потенциальных наследников²⁸. Данное обстоятельство в корне отличает аттические законы V—IV вв. до н. э. от вышеописанного законодательства эллинистического полиса Дура-Европос, где имущество в таких ситуациях передавалось царю.

В речи Андокида «Против Алквиада» (IV.15) излагается ситуация, когда Алквиад после женитьбы на Гиппарете, дочери Гиппоника и сестре Каллия, пытался добиться в дополнение к приданому еще 10 талантов после смерти Гиппоника. При этом в адрес Алквиада устами Андокида было брошено обвинение, что он желал смерти брата своей жены, поскольку в этом случае его имущество должно было перейти к Гиппарете, и Алквиад, таким образом, получал бы реальную возможность им распоряжаться. Ведь согласно аттическим законам о наследовании в случае смерти Каллия, который не имел детей, его имущество должно было отойти либо к родителям, которых к 422 г. до н. э. уже не было в живых либо братьям или сестрам²⁹, из коих на свете оставалась одна Гиппарета. Чтобы расстроить планы последнего, Каллий решил передать свою ответственность государству как временному наследнику до тех пор, пока у него не родится собственный сын, имевший права на наследство³⁰. В данном случае мы видим, как народ (полис) выступал гарантом частной собственности граждан, закрепляя за семей-оikosом право владения и собственности, делая эту семью самостоятельной в хозяйственном отношении³¹.

В одной из надписей начала III в. н. э. из Фисбы (Syll.³ 884), представляющей собой эдикт проконсула о культивировании земельного участка, говорится, что в том случае, если гражданин не засадит его в течение пяти лет, городские власти должны изъять участок и передать его другому лицу. Далее в надписи сказано, что «если кто-либо умрет, не оставив завещания и не имея законных наследников, то наследником участка как казенного имущества является город». Не вызывает сомнения, что этот римский эдикт опирается на древние полисные юридические установления особенно в той части, где речь идет о контроле полисных властей за собственностью граждан.

Изложенные выше юридические нормы наследования были свойственны не только Афинам, но и другим греческим полисам: в Гортине в середине V в. до н. э. законы предусматривали передачу имущества умер-

²⁸ В одной из речей Исея (VII. 30) на этот счет говорится, что город, как правило, передавал имущество другому лицу, чтобы оно не выходило из собственности полисного коллектива. См. *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks.* Oxf., 1956. P. 194 f.; *Gernet L. Droit et institutions en Grèce antique.* P., 1968. P. 265—275.

²⁹ *Fine J. V. A. Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens.* Baltimore, 1951. P. 193 f. Л. Жернэ отмечает, что использование брака с целью получения наследства является архаизмом в юридических установлениях (Op. cit. P. 240).

³⁰ *Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athen 500—200.* В. С. New Brunswick—New Jersey, 1952. P. 71. Наиболее подробно система наследования движимого и недвижимого имущества в Афинах изложена в работах: *Никитский А. В. Речи Исея и Демосфена.* М., 1903. С. 40—46; *MacDowell D. M. The Law in Classical Athens.* Ithaca, 1978.

³¹ *Fine.* Op. cit. P. 185—187; *Lewis N. Solon's Agrarian Legislation // AJPh.* 1941. V. 62. P. 144—156; *Gernet.* Op. cit. P. 240—242; *Pritchett W. K. The Attic Stelai. Pt II // Hesperia.* 1956. V. 25. № 3. P. 270—274.

шего сыновьям³². В одном из законов Эфеса, принятых в годы первой Митридатовой войны, говорится, что все судебные процессы по обвинению в государственных и религиозных преступлениях должны быть отменены и признаны как не имеющие законных оснований, за исключением тех процессов, которые связаны с перераспределением земли или спорами о наследстве (Syll.³ 742. 42—43 = IJG I.IV.P.25). Это показывает, что дела о наследовании имущества имели для полиса первостепенное значение даже в условиях надвигающейся войны с понтийским царем. Очевидно, выделяя особо этот пункт законодательства, полисные власти учитывали, что решения судов о наследствах, равно как и о переделе земельных участков, выгодны прежде всего коллективам граждан полиса. А это может означать также и то, что и в Эфесе споры о наследовании могли заканчиваться решениями дел в пользу полиса.

Считается, что аттические законы о наследовании без завещания и *per testamentum* в основе своей восходят к древним Солоновым установлениям, согласно которым разрешалась свобода завещаний, укреплялась собственность семьи на участки (Plut. Sol. 21.2) и тем самым наносился удар по аристократическим устоям Афин³³. А между тем закон Солона о свободе завещаний позволил аристократам получать землю в полную собственность, поскольку он закреплял за семьями частное владение землей³⁴. Свобода отчуждения земли, продажа, заклад и передача ее другим лицам стали возможны в Аттике только в начальные годы Пелопоннесской войны, когда участки-клеры окончательно перешли в частную собственность³⁵.

Таким образом, нам представляется, что дарование горгиппийцам прав наследования по «закону Евпатора» было актом некоторого ослабления царской собственности за счет усиления частного землевладения в рамках полиса. Это вело к повышению полисного самоуправления и автономии, иначе Аспургу незачем было отмечать Горгиппию за благорасположение к нему в то время, когда многие другие полисы выступили противниками царя и его политики³⁶. В связи с тем, что царь оставался верховным собственником земли в государстве, Аспургу пришлось в новой ситуации несколько изменить размер поземельных налогов и податей, уплачиваемых Горгиппией в царскую казну. В результате последовал второй рескрипт царя, по которому полис освобождался от уплаты с вина, пшеницы и ячменя — $1/10$ ³⁷, а проса — $1/20$. Освобождение Горгиппии от поземельной подати стоит, таким образом, в тесной зависимости от расширения прав полисного самоуправления согласно «закону

³² Jones. Op. cit. P. 210.

³³ Glotz G. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P., 1904. P. 342—346; Lewis. Op. cit. P. 155; Gernet L. La création du Testament. Observations sur une loi de Solon // REG. 1920. V. 33. P. 123—168.

³⁴ Fine. Op. cit. P. 185. Это подтверждается тем, что в Аттике цена земельной собственности определялась при заключении соглашения о приданом между будущим тестем и зятем, поскольку отец невесты требовал от жениха одинаковой с ним гарантии (Jones. Op. cit. P. 192; Pritchett. Op. cit. P. 273).

³⁵ Об отчуждаемости земли и росте частной собственности на земельные участки красноречиво свидетельствует предоставление в IV в. до н. э. права владеть землей и домом (энктесис) с переходом его по наследству (Pečirka J. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Praha, 1966. P. 149).

³⁶ Блаватская. Аспург... С. 36 сл.

³⁷ В начале стк. 4 письма В Т. В. Блаватская читала $\epsilon\upsilon\delta\epsilon\chi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, что было исправлено Ж. До в $\epsilon\upsilon\beta\epsilon\chi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$. Ю. Г. Виноградов предлагает (устно) более удачное, на мой взгляд, дополнение: $[\mu]\\epsilon\upsilon\ \delta\epsilon\chi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, $\chi\epsilon\upsilon\chi\rho\upsilon\ \delta\epsilon[\epsilon\iota\chi\omicron\sigma\tau\eta\varsigma]?$, что лучше соответствует греческой фискальной практике определять размер налогов в целых десятичных долях.

Евпатора о наследовании»³⁸. Граждане города получали отныне больше прав контролировать собственную хору и доходы с нее, чем это было до сих пор. Очевидно, подобное же положение существовало и при Митридате VI, но в последующее время автономные привилегии горгиппийцев были, вероятно, отменены, и только Аспург вновь вернул им то, что они имели при Евпаторе³⁹. Так что освобождение горгиппийской общины от поземельного налога, зафиксированное во втором рескрипте, показывает тесную генетическую связь обоих рескриптов как дарующих гражданам довольно значительные полисные привилегии.

Ввиду того, что «закон Евпатора о наследовании» давал привилегии городской общине, есть основание сопоставить его с законами о наследовании таких греческих полисов, как Афины, Гортина и Фисба с обозначенными в них родственниками, имевшими право наследовать имущество как по завещанию, так и без такового. По всей видимости, «закон Евпатора» гарантировал: 1) наследственное право за детьми в случае смерти владельца участка-клера, при том, что наследование осуществлялось по мужской линии и старший сын имел преимущество в наследовании перед другими детьми; 2) в случае отсутствия родственников, которые имели права на наследство, клер переходил в собственность всего полисного коллектива и оставался у граждан неотчуждаемым; 3) посредством означенного закона царь Понта признавал коллективное право граждан полисов на землю в рамках царства, давая им автономию в пользовании доходами с полисной земли в ущерб некоторым интересам царской земельной собственности. Мы не знаем, совпадал ли круг родственников, могущих наследовать имущество покойного по «закону Евпатора», полностью с тем, который находим в Афинах или Дура-Европос (здесь возможны различные варианты), но обозначенные выше особенности поименованного закона, несомненно, имели место, ибо отвечали политике Митридата VI Евпатора, которую он проводил в отношении эллинских полисов царства. Главное же, ради чего этот закон был введен в действие — это закрепить собственность семьи на земельный участок и позволить землевладельцам упрочить позиции в полисе. Возможно, означенный закон отвечал интересам средних и мелких землевладельцев, которые еще во времена Спартокидов на Боспоре уступили позиции крупным земельным собственникам⁴⁰. Поэтому принятие этого закона могло на какое-то время смягчить острый земельный кризис в эллинских государствах Причерноморья, вошедших в состав державы Митридата VI. В последние годы третьей Митридатовой войны, когда флот римлян блокировал Черное море, а сам Митридат столкнулся с оппозицией в ряде греческих городов

³⁸ Военные колонисты в Пергаме уплачивали подать в царскую казну за право пользования царской землей: 1/20 с винограда и 1/10 с пшеницы и других плодов (*Welles. Royal Correspondence...* Р. 51; *Свенцицкая И. С. Социально-экономические особенности эллинистических государств*. М., 1963. С. 43) при том, что клер оставался у семьи и возвращался царю только в случае отсутствия прямого наследника. Близость этой надписи рескрипту из Горгиппии (письмо 8) свидетельствует о том, что полисная земельная собственность на Боспоре была опосредована царской собственностью на землю и повинности в пользу царя за пользование клером могли нести как каждый землевладелец в отдельности, так и весь гражданский коллектив полиса в целом. Ср. также надпись из Селевкии Тралийской (*Welles. Royal Correspondence...* Р. 41). Регламентация системы налогообложения в Горгиппии при Аспурге должна была касаться ответственности перед царем полиса в целом, что уменьшало долю повинностей каждой семьи в отдельности и это, естественно, было выгодно гражданам.

³⁹ *Блаватская*. Аспург... С. 32—34; *Сапрыкин*. Аспургяне. С. 68 сл.

⁴⁰ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 160.

Северного Причерноморья, зажиточные слои полисов все более выражали недовольство политикой царя, а средние и малоимущие граждане не выступили против него⁴¹. Возможно, что они помнили еще о тех привилегиях, которые давал им царский закон о наследовании.

Следует, однако, полагать, что первоначально закон был введен в подвластных понтийским царям греческих городах Понта и Пафлагонии. Косвенно это подтверждается надписью на бронзовой пластине I в. до н. э. из г. Аниса в Каппадокии. В ней говорится о праве граждан на наследование клера умершего жителя города, не оставившего наследников. Граждане просят царя Архелая как верховного собственника всей земли в государстве предоставить им право распоряжаться этим клером⁴² (т. е. именно у царя было право оставить или нет за коллективом граждан собственность одного из его членов). Если учесть, что социально-экономические отношения, политическое и административное устройство Понтийского и Каппадокийского царств были близкими, то можно сделать вывод, что и в Понте царская власть оставляла за собой право распоряжаться всей земельной собственностью. Царь мог разрешить греческим городам владеть хорой (*γῆ πολιτικῆ*) или, наоборот, лишить их этой возможности⁴³.

Аналогичным образом обстояло дело и с политической автономией и самоуправлением полисов в рамках царства. Есть основание думать, что Митридат VI Евпатор официально подтвердил крупнейшим городам царства право распоряжаться земельной собственностью своих граждан, поскольку за городами были оставлены некоторые права автономии и политики. Небольшая милетская колония Абонутейхос в Пафлагонии во II в. до н. э. при Митридате V Еввергете не имела собственной сельскохозяйственной округи и подчинялась стратегу — наместнику царской области. Однако при Митридате VI Евпаторе городок начал чеканить монеты со своим названием и магистратской монограммой, что свидетельствует в пользу предположения о расширении его политических привилегий в рамках царства⁴⁴. Согласно Страбону, Плутарху и другим античным писателям, города Понта и Пафлагонии Амасия, Комана, Амис, Амастрия, Синопа, Фарнакия, бившие при Митридате VI медные монеты единого типа, но со своим названием, имели право владеть земельной собственностью, правда, в ограниченном масштабе⁴⁵. Города Кабира,

⁴¹ *Каллистов Д. П.* Этюды по истории Боспора в римский период // ВДИ. 1938. № 2(3). С. 276—286; *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М., 1956. С. 283; *Молев Е. А.* Создание Черноморской державы Митридата Евпатора // Античный мир и археология. М., 1977. Вып. 3. С. 20 сл.; *Шелов Д. Б.* Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 42.

⁴² *Curtius E.* Über ein Decret der Anisener zu Ehren des Apollonios // Monatsbericht der Preuss. Akad. d. Wiss. von Berlin. 1880. Juli. Sitzung der Philosoph.-hist. Kl. S. 646—651; *Michel Ch.* Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900. № 546; *Cumont F.* A propos d'un décret d'Anisa en Cappadoce // REA. 1932. V. 34. № 2. P. 135—138; *Robert L.* Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. P., 1963. P. 458 suiv.

⁴³ *Вукерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 151.

⁴⁴ *Лепер Р. X.* Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. 1902. Т. VIII. Вып. 1—2. С. 153—162; *Максимова.* Ук. соч. С. 198; *Reinach T.* A stele from Abonuteichos // NC. 1905. V. 5. 4th Ser. P. 116—119 = REG. 1904. V. 18. P. 252.

⁴⁵ О хоре греческих городов Понта и Пафлагонии: Амасия (*Strabo.* XII. 3.39); Синопы (*Strabo.* XII. 3.11—12, 38); Амасия (*Plut.* Luc. XIX; *Strabo.* XII. 3.13—16); Команы Понтийской (*Strabo.* XII. 3.34—35). Подробнее об этом см. *Weimert H.* Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: die Antike Landschaft Pontos. Eine Fallstudie. Frankfurt am Main, 1984. S. 51, 52, 117.

Зела, Керасунт не имели полисного статуса и соответственно собственной хоры, поскольку им дано было это право только после реформ Гнея Помпея⁴⁶. В то же время бывшие царские укрепления (*τὰ φρούρια*) — Гадзиура, Хабакта, Пимолиса, Талаура получили при Евпаторе статус полисов и право чекана монеты со своим названием⁴⁷. Ввиду того, что ранее они были центрами военно-административных округов и служили опорными пунктами на царской земле, вполне вероятно, что они могли получить вместе с новым статусом и право владения прилегающей к городу аграрной территории.

Что касается монетной чеканки перечисленных выше центров Понтийской Каппадокии и Пафлагонии, то многие считают ее квазиавтономной, т. е. находившейся в действительности в руках царских магистратов⁴⁸. В некотором роде это действительно так, ибо подтверждается одинаковыми монограммами царских чиновников на монетах различных городов. В то же время там встречаются монограммы, которые присущи монетам только каждого конкретного полиса. Они не могут быть не чем иным, кроме как монограммами полисных магистратов, следивших за выпуском монет в городе, что служит доказательством сохранения за полисами некоторой доли автономии в области монетной политики, так же как и в административно-политической сфере. Все эти обстоятельства наводят на мысль, что эллинские города Понта при Митридатe VI сохранили или получили заново привилегии в политической области. А это означает, что и в законодательном отношении также могло произойти расширение прав их гражданских коллективов, в частности, в том, что касается наследования *ab interstato et per testamentum*.

После того как в конце II в. до н. э. Митридат VI укрепился в Северном Причерноморье, он начал активно проводить в жизнь филлэллинскую политику. Отражением этого явилось разрешение крупнейшим городам Боспора — Пантикапею, Фанагории и Горгии — чеканить собственную автономную серебряную и медную монету. Этим царь Понта хотел продемонстрировать, что он готов считаться с автономными правами эллинских городов Боспора⁴⁹. Он понимал, что утверждать греков в рамках созданной им панпонтийской державы можно было только соблюдая их полисные права и привилегии. Право выпускать собственную монету было дано также Херсонесу⁵⁰, Ольвии⁵¹, Тире⁵², городам левопонтий-

⁴⁶ Jones A. H. M. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxf., 1937. P. 157—159; Seager R. *Pompey; A Political Biography*. Oxf., 1979. P. 53; Dreizehnter A. *Pompeius als Stadtgründer* // *Chiron*. 1975. Bd 5. S. 236.

⁴⁷ Waddington, *Babelon, Reinach*. Op. cit. P. 104 suiv. Pl. XI, 21—23; P. 146. Pl. XV, 8—10; P. 112 suiv. Pl. XII, 13—14. Ср. мнение Ваймерта (Op. cit. S. 37) о том, что чекан псевдоавтономной монеты не служит доказательством полисного статуса означенных крепостей. Однако надпись из цитадели Гадзиуры (SP III. 278) времени Митридата VI перечисляет ксенов, ойкетов и свободных, что косвенно может быть подтверждением полисных привилегий у населения этой царской крепости. Ср. Jones. *The Cities...* P. 157.

⁴⁸ Ibid.; Klein U. *Zum Aegis-Nike Typ der pontisch-paphlagonischen Bronzeprägung aus der Zeit des Mithridates Eupator* // *Schweizer Münzblätter*. 1969. Jg. 19. Ht 74. S. 28—32; Weimert. Op. cit. S. 27 f.

⁴⁹ Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. 62 сл.; он же. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 46 сл.

⁵⁰ Анозин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 56—60.

⁵¹ Карышковский П. О. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // МАСП. 1962. Вып. 4. С. 99—103.

⁵² Шелов Д. Б. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. 1962. № 2. С. 95—102.

ского побережья, Диоскурии⁵³ и, вероятно, Вани⁵⁴. При этом, как показал Д. Б. Шелов, прекращение в ряде центров Причерноморья чекана собственной монеты на рубеже 80—70-х годов I в. до н. э. должно означать изменение политики Митридата Евпатора в сторону отхода от традиционных филлэллинских принципов, проводившихся в жизнь в первые годы его господства на Евксинском Понте⁵⁵. Соответственно это имело своим результатом некоторое сокращение автономных привилегий греческих полисов как в монетной политике, так и в политико-административной области⁵⁶. Так, на Боспоре в 80 г. до н. э. наместником был посажен Махар, сын понтийского царя; то же самое произошло в Колхиде, где в 83 г. до н. э. у власти был поставлен другой сын царя — Митридат Филопатор (Младший), а после его казни в 80 г. — Махар.

На Боспоре после присоединения его к Митридату VI Пантикапейем выпускалась медная монета (халки) и мелкое серебро с изображением треножника и восьмилучевой звезды, а на рубеже II—I вв. до н. э. начинается эмиссия более крупных номиналов меди (тетрахалки, оболы), которую осуществляли Пантикапей и Фанагория. Из серебряных монет это драхмы с головой Диониса и скачущим оленем и тирсом, выпускавшиеся Пантикапейем и Горгиппией. В 90—80-х годах I в. до н. э. Пантикапей, Фанагория и Горгиппия чеканили серебро трех номиналов и два номинала меди: а) дидрахмы типа: Дионис — шишковатый венчик; б) драхмы: Артемиды — пасущийся олень; в) триоболы: Дионис — тирс; г) оболы: голова Мена — Дионис с пантерой; д) тетрагалки: Аполлон или Дионис — треножник и тирс⁵⁷. На рубеже 80—70-х годов до н. э. автономная чеканка на Боспоре прекращается и заменяется так называемыми боспорскими анонимными оболами, выпуск которых продолжался до середины 60-х годов до н. э. и осуществлялся, очевидно, боспорским наместником Махаром⁵⁸.

В Херсонесе Таврическом в период владычества понтийского царя было выпущено несколько серий монет. Это драхмы типа: Дева в повязке — Дева, поражающая лань, и именем магистрата Деметрия⁵⁹, драхмы и медные тетрагалки типа: голова Девы — пасущаяся лань, а также гемидрахмы типа Геракл — палица. Эти три выпуска монет являлись заключительными сериями херсонесской автономной чеканки⁶⁰, хотя

⁵³ Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриады // Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977. С. 57 сл.

⁵⁴ Существует, правда, предположение, что анонимные медные монеты чеканил в Вани Митридат Младший, бывший в Колхиде в 83—80 гг. до н. э. вассальным царем (Дундуа Г. Ф., Торджипанидзе Г. А. Денежное обращение Центральной Колхиды. Тбилиси, 1983. С. 33).

⁵⁵ Шелов. Махар... С. 65; *он же*. Города... С. 53; ср. Голенко К. В. О характере чекана боспорских анонимных оболов // НИС. 1965. № 2. С. 47—49.

⁵⁶ Shelov D. B. Le royaume pontique de Mithridate Eupator // Journ. Sav. 1982. Juillet — Décembre. P. 262 suiv.

⁵⁷ Зограф А. Н. Античные монеты. М. — Л., 1951. С. 186 сл.; Голенко К. В. Несколько серебряных монет Пантикапей II в. до н. э. со следами перечеканки // НЭ. 1968. VII. С. 40—42; *он же*. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // НЭ. 1960. II. С. 28—35; Шелов. Города... С. 45.

⁵⁸ Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапей 1945—1961 гг. // НИС. 1963. Вып. 1. С. 7; Голенко. О характере чекана... С. 47 сл.; Шелов. Махар... С. 65; *он же*. Города... С. 52 сл.

⁵⁹ Голенко К. В. Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия // СГМИИ. 1964. II. С. 45—52; Анохин. Ук. соч. С. 57; Шелов. Города... С. 48 сл.

⁶⁰ Бертье-Делагард А. Б. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. XXVI. С. 252. Табл. I, 9, 10; II, 12—17; Анохин. Ук. соч. С. 33. Табл. XII, 179—186.

А. Н. Зограф относил их к первым выпускам монеты в Херсонесе периода его зависимости от Митридата ⁶¹. Монеты с именем магистрата Деметрия и соответствующая им медь с изображением головы Девы на аверсе и пасущейся ланью на реверсе (90—80 гг. до н. э.), по мнению К. В. Голенко и Д. Б. Шелова, завершают полисную чеканку при Митридате VI ⁶². Существует предположение, что драхмы с именем Деметрия принадлежат чеканке уполномоченного понтийского царя в Херсонесе ⁶³, однако странно, что понтийский наместник выпускал монету от своего имени с сугубо херсонесскими полисными типами. Из всех известных наместников Митридата Евпатора в Причерноморье никто не чеканил монету со своим именем, тем более в греческом полисе. Поэтому пока нельзя с уверенностью относить драхмы Деметрия к наместнической чеканке Митридата VI ⁶⁴. Не случайно, что по В. А. Анохину драхмы Деметрия и соответствующая им серия меди с пасущейся ланью являются промежуточными, поскольку вслед за ними должны быть поставлены полисные медные монеты типа: череп лани в фас — лук в горите (80—75 гг. до н. э.); Дева с луком и колчаном — орел на молнии (75—63 гг. до н. э.) ⁶⁵. Впрочем, датировка этих монет временем подчинения Херсонеса Митридату Евпатору спорна ⁶⁶. Следует отметить, что херсонесские монеты этого времени сохранили полисные типы в значительно большей степени, чем города Боспора, — это свидетельствует о том, что какого-либо серьезного ущемления полисных привилегий Херсонеса при понтийском господстве не было. Более того, как считает К. В. Голенко, эпизодический медный чекан после прекращения выпусков серебряных монет в 80 г. до н. э. может указывать на восстановление полисных прав и свобод ⁶⁷. И тем не менее, поскольку в 80 г. до н. э. в Херсонесе и на Боспоре одновременно резко сокращается выпуск полисной монеты, исследователи справедливо ставят это в зависимость от ущемления царскими властями прав автономии и политики полисов в рамках державы Митридата ⁶⁸.

В Ольвии и Тире монетная чеканка времени подчинения Митридату укладывается в последнее десятилетие II в. до н. э. — 70-е годы I в. до н. э., после чего эти центры, вероятно, вышли из-под власти понтийского царя, подобно греческим городам западнопонтийского побережья. Здесь владычество Митридата в 70 г. до н. э. сменяется римским влиянием после успешных походов М. Варрона Лукулла ⁶⁹.

Что касается медных монет Диоскуриады, то они выпускались в самом конце II в. до н. э. (105—100 гг. до н. э.) и совпадают по времени с чеканом автономной монеты в ряде центров Северного Причерноморья при Митридате Евпаторе. Если учесть, что в 105—85 гг. до н. э. Колхидой

⁶¹ Зограф. Ук. соч. С. 151.

⁶² Голенко. Херсонесские драхмы... С. 45. сл.; Шелов. Города... С. 48 сл.

⁶³ Лилевич А. М. Херсонес и Понтийская держава Митридата VI по нумизматическим данным // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 613 сл.

⁶⁴ Сапрыкин С. Ю. Дискуссия // Там же. С. 628 сл.

⁶⁵ Анохин. Ук. соч. С. 57 сл.

⁶⁶ Там же. С. 58 сл.; ср. Голенко К. В. К датировке некоторых монет Херсонеса // НЭ. 1962. Т. III. С. 49—54; он же. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 57—61; Шелов. Города... С. 49.

⁶⁷ Голенко. Состав денежного обращения... С. 60; Анохин. Ук. соч. С. 57; Шелов. Города... С. 49 сл.

⁶⁸ Шелов. Махар... С. 65; он же. Города... С. 52 сл.; *idem*. Le royaume pontique... P. 262—264; ср. более категоричное мнение К. В. Голенко (О характере чекана... С. 47—49) и Д. П. Каллистова (Ук. соч. С. 281 сл.).

⁶⁹ Шелов. Города... С. 55; ср. Дечев Д. Принос к историята на западнопонтийските градове // ИАИ. 1950. Т. XVII. С. 59 сл.; Pippidi D. Les premiers rapports de Rome et des cités de L'Euxin // Scythica Minora. Bucuresti — Amsterdam, 1975. P. 164—166.

управлял царский наместник (гиппарх или диойкет), то предоставление права выпуска собственной монеты греческому городу в это время должно было отвечать той филэллинской политике, которую проводил тогда понтийский царь.

Из всего вышеизложенного напрашивается следующий вывод. «Евпаторов закон о наследовании», расширявший права греческих полисов в рамках царства, мог быть введен в эллинских центрах Причерноморья тотчас после их вхождения в состав державы Митридата VI в конце II в. до н. э. Этот закон эффективно действовал до начала 70-х годов до н. э., т. е. в то время, когда Митридат VI поощрял привилегии полисов Причерноморья. Любопытно, что тогда же Горгиппия, которой мы обязаны сведениями о законе, единственный раз в своей многовековой истории выпустила монету со своим названием и к тому же из благородного металла. Это может косвенно подтверждать предположение, что «закон Евпатора о наследовании» использовался понтийским царем в политических целях именно в этот период. Вводя означенный закон, Митридат VI Евпатор пытался сделать свою власть среди греков более прочной, способствовать их объединению в рамках одного государства, противопоставить свою филэллинскую политику восточной политике римлян, ущемлявшей интересы греков деятельностью ростовщиков и публиканов.

Однако после неудач Митридата VI в первой войне с Римом эллинские центры Причерноморья начали выказывать недовольство политикой царя. Это явилось причиной перемены отношения Митридата к греческим городам, ужесточения и урезывания тех относительных политических свобод, которыми они пользовались в первые два с половиной десятилетия союза с Евпатором. Была приостановлена квазиавтономная чеканка городов, в Северном Причерноморье и Колхиде были посажены новые наместники, а царь в своей политике пытался теперь больше внимания уделять местным племенам, нежели эллинским городам⁷⁰. В противовес тенденции городов проявлять самостоятельность царь и его наместники стали создавать укрепленные поселения на царской земле, привлекая для этого ряд туземных племен⁷¹, главным образом сарматских. И несмотря на то, что в целом города сохраняли верность Митридату Евпатору до самой его гибели в 63 г. до н. э.⁷², они все более начинали тяготиться властью царя Понта, пытаясь при малейшей возможности отложиться от него. Так случилось в начале 60-х годов до н. э., когда некоторые города Северного Причерноморья перешли на сторону Махара (App. Mithr. 107—108), так произошло и в 63 г. до н. э., когда против Митридата выступил другой его сын, Фарнак (*ibid.* 101—108)⁷³.

В этой связи мы полагаем, что «Евпаторов закон о наследовании» в некоторых городах Северного Причерноморья мог быть отменен в 80-х — начале 70-х годов до н. э. и это явилось одной из причин роста антимиитридатовских настроений. В этот последний период своей деятельности

⁷⁰ *Каллистов*. Ук. соч. С. 281—283; *он же*. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 150; *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1971. S. 320.

⁷¹ *Сапрыкин*. Аспургиане. С. 75; ср. *Сокольский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VIe Conference internationale des études classique des pays socialistes. Sofia, 1963. P. 22—24; *он же*. Новые памятники сивидской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 10. С. 89.

⁷² *Шелов*. Махар... С. 69—72; *он же*. Города... С. 54; *idem*. Le royaume pontique... P. 263—265.

⁷³ *Сапрыкин С. Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 70—80.

Митридат VI открыто перешел от поддержки зажиточных кругов в греческих городах к более жесткой политике, пытаясь противопоставить им недовольство малоимущих и обездоленных слоев⁷⁴. В последующий период преемники Митридата на боспорском престоле из политических соображений, вероятно, либо подтверждали городам право пользоваться означенным законом, когда считали нужным, либо отменяли его действие, проводя, как и Митридат Евпатор, более жесткую политику в отношении греческих полисов.

Так, придя к власти в 63 г. до н. э., Фарнак II мог вновь ввести этот закон в действие, поскольку вплоть до 50/49 гг. до н. э. он пытался заигрывать с греками, готовя тыл для борьбы за малоазийские владения отца. С этой целью он даже на короткое время разрешил столице Боспора и Херсонесу выпускать собственную монету⁷⁵. Затем, правда, он решил ограничить свободу и автономию полисов, отменив их самостоятельный чекан, так что в это время действие «Евпаторова закона» могло быть снова приостановлено. При Асандре, который в 42 г. до н. э. разрешил Пантикапею и Фанагории вновь чеканить свою монету, создалась благоприятная ситуация для восстановления наследственного закона Евпатора в ряде городов Боспора. Однако после смерти Асандра претенденты на боспорский престол опять могли отменить означенный закон. Это могло стать одной из причин недовольства греков Скрибонием и Полемоном I, хотя с уверенностью ввиду отсутствия данных говорить об этом нельзя. И только Аспург, согласно упомянутому выше рескрипту, пытаясь добиться расположения эллинов, опять ввел в 16 г. н. э. «Евпаторов закон о наследовании» в Горгиппии, а может быть, и в других крупных городах Боспора.

Таким образом, «закон Евпатора о наследовании» расширял права греческих полисов в юридической сфере, давая гражданским коллективам право наследовать имущество умерших граждан при отсутствии прямых наследников. Он являлся одним из важных инструментов филэллинской политики Митридата VI Евпатора и позволял ему и его преемникам привлекать греческие города на свою сторону.

С. Ю. Сапрыкин

⁷⁴ Gaggero E. S. La propaganda antiromana di Mithridate VI Eupatore in Asia Minore e in Grecia // Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti. Genova, 1976. P. 117.

⁷⁵ Голенко. Из истории... С. 36—40; Анохин. Ук. соч. С. 60.

«EUPATOR'S LAW ON INHERITANCE» AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF THE PONTIC KINGDOM

S. Yu. Saprykin

The present article compares «Eupator's law on inheritance», (SA, 1965, 2, p. 200), mentioned in the Bosphoran king, Aspurgos' rescript from Gorgippia, with data collected from Papyri from Graeco-Roman Egypt on the inheritance of land by the Kleruchoi and the Katoikoi, who occupied the ruler's lands, and with data collected from papyri from Dura-Europos on the inheritance law and with the inheritance laws from Athens, Gortyne and Thysbe in cases where there was no will. On the basis of such a comparison, the author concludes that «Eupator's law on inheritance» reduced, to a certain extent, the ruler's ownership of the land and consolidated private land ownership within the polis. Mithridates VI Eupator used this law to implement his philhellenic policy, as it developed the poleis'

autonomy and self-government. «Eupator's law on inheritance» in the Hellenic cities of Pontus and Paphlagonia and also in other cities of the Black Sea's littoral dependent on Mithridates VI, was closely connected to the laws of inheritance laws of the Greek poleis, according to which, the polis could purchase the property and real estate of its deceased citizens who had left no legal heir. (This meant patrilineal relatives, i.e. the eldest son or younger children or parents or grandparents of the deceased if he had no children or cousins on the deceased's father's side). In the Hellenistic states, the land of the deceased, in absence of legal heirs, passed to the ruler. Mithridates Eupator gave the Hellenic cities in his kingdom the right to inherit land. The law was in force in the last decade of the II century and the first quarter of the I century B.C., when the king gave more political rights and freedom to the poleis of the Northern and Eastern Black Sea littoral. This fact can be confirmed by numismatic evidence. In the cities of the Pontic kingdom «Eupator's law on inheritance» was probably in force over a longer time-span and coincided with the period when the polis states of the kingdom were quasi-autonomously minting their own copper coins.
